

Цзян Жоюй смотрел на Хуа Ханьчжана. Тот слегка приподнял голову, чтобы заговорить, и в его глазах, разрез которых напоминал лепестки персика, затрепетал мягкий свет. В памяти Цзян Жоюя пронеслось всё: ошеломление от их первой встречи, паника во время отчаянной мольбы о помощи, беспомощная растерянность и неизменная гордость, которую Ханьчжан хранил вопреки всему, а ещё — душевная пустота и томительное ожидание, скрытые за внешним блеском. Всё это слилось воедино в тот миг, когда Ханьчжан передал ему нефритовый жетон. Как же Жоюй любил его таким! В глазах этого юноши всегда горела решимость стать сильнее и стремление к будущему. В отличие от тех, в чьих душах уже поселился тлен, Хуа Ханьчжан дышал самой жизнью.

Жоюй прекрасно понимал, какой Ханьчжан на самом деле. У него был «богатый папочка», безупречная внешность и врождённое изящество — всё то, чем так восхищалась толпа. Но за этим фасадом скрывались напускная стойкость и непокорность, которую приходилось удерживать стиснув зубы. До этой, теневой стороны его души никому не было дела.

Жоюй нежно, благоговейно коснулся губами его гладкого лба, кончика аккуратного носа и тёплых алых губ, после чего прошептал:

— Мне дорого всё, что есть в тебе. Каждая мелочь.

От этих слов у Хуа Ханьчжана всё перепуталось в мыслях. Дыхание перехватило, в груди бешено заколотилось. Резко оттолкнув Цзян Жоюя, он отвернулся, не зная, разразиться ли новой бранью или промолчать. Голова гудела. Происходящее пугало его, ведь обычно он отличался ледяным спокойствием. Он умел держать себя в руках с самого детства — и когда терпел злые издёвки старших братьев и сестёр, и когда ловил на себе косые взгляды докучливой родни, и когда ухаживал за угасающей матерью под равнодушным взглядом отца.

Гнев и стыд — эти проявления слабости всегда туманят разум и толкают на глупости, о которых потом приходится жалеть. Ханьчжан неустанно твердил себе: рассудок должен преобладать в любой ситуации. Но сейчас все барьеры рухнули. И виной тому был этот несносный, проклятый Цзян Жоюй! Он ведь не пытался заискивать, не смотрел свысока. Он просто сказал, что принимает его целиком.

Ханьчжан не хотел, не мог в это поверить. От бессилия на ресницах выступили непрошенные слёзы. Как же он ненавидел Жоюя! Ненавидел этого глупца! Почему тот не мог вести себя как все остальные? Кривить душой, льстить, искать выгоду, прикрываясь дружбой или симпатией? Будь всё так, Ханьчжан без труда разыграл бы ответную карту: приблизил бы полезного человека или с вежливой улыбкой отвалил ненужного.

На самом деле он завидовал Жоюю. И не только ему — ещё Хэ Чэншуану и Е Цинжану. Да, у каждого из них хватало шрамов за спиной, но сейчас они были вместе, плечом к плечу, и плевать хотели на богатство и власть. На этом фоне Ханьчжан начинал презирать самого себя, презирать братьев и сестёр, которые всегда смотрели сквозь него, и ненавидеть так называемого отца.

Чем чище и упрямее была привязанность Цзян Жоюя, тем сильнее Ханьчжан боялся, что недостоин её. Он опасался, что его собственный, слишком прагматичный разум со временем принесёт обоим лишь разочарование и боль.

«Всё верно. Нужно просто закрыться от него. Не отвечать взаимностью. Никто не станет тратить жизнь на безответные чувства».

Постепенно волнение улеглось. Рассудок вернулся на место, и перед Жоюем снова предстал расчётливый, искушённый в масках молодой господин Хуа. Разве мог такой простофиля, как Цзян Жоюй, догадаться, какая буря пронеслась в его голове за эти несколько минут?

Глядя на свернувшегося калачиком Ханьчжана, на чьих ресницах ещё поблёскивали влажные следы, Жоюй почувствовал укол вины за свою несдержанность. Он осторожно притянул его к себе вместе с одеялом и негромко, успокаивающе произнёс:

— Не бойся, я всё понимаю. Мы ведь только поцеловались, от этого не беременеют... Мне Босс Хэ рассказывал, что они с...

В тишине глухой ночи, где не было слышно даже стрекота цикад, из палатки внезапно разнёсся яростный вопль:

— Пошёл вон!

В соседней палатке Хэ Чэншуан и Е Цинжан уже засыпали. Вздвогнув от крика, Чэншуан недовольно буркнул:

— Психи!

Хэ Жун в это время увлечённо вылизывал макушку Цзунъюй. Леопард лишь слегка прищурил золотистые глаза на шум и продолжил своё занятие.

Наутро Хуа Ханьчжан, глядя на бодрых и запредельно довольных спутников, мог лишь мысленно ехидствовать. На его собственном лице отпечаталась тяжёлая бессонная ночь.

Быстро позавтракав, они двинулись в путь. К полудню засилье змей, насекомых и грызунов на их пути стало казаться совершенно невероятным. Запыхавшийся Ханьчжан спросил:

— Слушайте, на дворе зима. Разве вся эта гадость не должна спать? Мы тут случайно на голодного медведя не нарвёмся?

Впрочем, лесная живность послужила для Ханьчжана отличной мишенью. Стрелял он недурно: раньше развлекался в тире, потом наловчился бить неповоротливых зомби. Поначалу юркие, мелкие пресмыкающиеся заставляли его промахиваться, но за утро он набил руку и теперь стабильно попадал в цель два раза из пяти.

— Ты, похоже, не знал, — отозвался Е Цинжан, — но здешние белые медведи-гризли и легендарные «дикие люди» издавна считались загадками науки. Медведи-альбиносы в Шэньнунцзя никогда не впадали в спячку, они круглый год ищут пропитание среди снегов. А уж в эпоху апокалипсиса и вовсе глупо чему-то удивляться. Избавляйся от привычки мерить всё старыми мерками, иначе рано или поздно поплатишься.

Духовная энергия Е Цинжана и Цзян Жоюя в этих первозданных лесах крепла с каждым шагом — здесь они чувствовали себя как рыбы в воде. Леопарду Хэ Жуну запретили плевать пламенем, дабы не спалить чащу, но слабее он от этого не стал: тайга была его родной стихией. Хэ Чэншуан, наловчившийся выживать в джунглях Юньнани, теперь превратился в ходячий генератор молний — его электрические сферы разили без промаха, выкашивая ползучую гадость целыми выводками.

Труднее всего приходилось Ханьчжану и коту Цзунъюю. Эта парочка удивительно походила друг на друга: во-первых, обоим не хватало боевого опыта при наличии недюжинной силы; во-вторых, оба привыкли к холёной, изнеженной жизни. Измотанный утренним марш-броском Цзунъюй жалобно мяукал, выпрашивая у леопарда заботу. Хэ Жун разрывался между истреблением врагов и опекой над пушистым капризником, но, кажется, был только рад такой суете.

Быстро перекусив, отряд двинулся дальше, сверяясь с картой. По пути Е Цинжан бережно собирал редкие травы. Пусть мутанты или легендарные корни им пока не попадались, он всё равно не скрывал улыбки: ведь любой росток можно было пересадить в Малое Тайное Пространство, где тот быстро прижился бы и разросся. Цинжан как раз осторожно подкапывал крупный лесной гриб, когда впереди удивлённо ахнул Ханьчжан.

Поспешив на зов, Цинжан замер, залюбовавшись открывшейся картиной. На каменистом уступе у самого края ревущего водопада высился исполинский древовидный рододендрон. Его бурая кора отслаивалась клочьями, обнажая узловатый, повисавший ствол. На толстых опушённых ветвях топорщились крупные мясистые листья, но подлинным чудом была пышная крона, усыпанная лавиной бутонов. Насыщенный розовато-пурпурный цвет лепестков горел так ярко, словно посреди дикой глуши предстала прекрасная дева в праздничном наряде.

Однако у корней этого чуда природы, свернувшись кольцами, возлежала исполинская белая змея толщиной с пивной бочонок! Приподняв плоскую голову, она угрожающе шипела, непрерывно пробуя воздух раздвоенным языком. Она неотрывно следила за незваными гостями своими ледяными изумрудными глазами с вертикальными щелками зрачков.

В самом центре змеиных колец гордо тянулся вверх мясистый алый стебель. Е Цинжан присмотрелся: растение покоилось на тонком корневище, увенчанном набалдашником величиной с кулак, сплошь покрытым чешуйками.

— Это же гриб-змеевик! — взволнованно прошептал Е Цинжан. — Но я никогда не видел столь огромных и пунцовых образцов. Наверняка мутировавший вид.

В его словах никто не усомнился. Цветущий рододендрон, готовая к броску смертоносная тварь и редчайшее растение под её охраной — идеальная мизансцена для опасной схватки.

Е Цинжан быстро скоординировал действия:

— Нам ни к чему драться с этой бестией насмерть. Чэншуан, Хэ Жун, Ханьчжан — отвлеките её. Лао Цзян, прикрой меня. Как только заберу змеевик, уходим.

Пока он говорил, Хэ Жун бесшумно растворился в густых зарослях. Хуа Ханьчжан отбежал на десяток метров влево и, натянув тетиву, выпустил первую стрелу. Однако стоило стальному наконечнику коснуться чешуи, как змея неуловимым, текучим движением изогнулась. Стрела соскользнула с бронированного бока и канула в траве, не причинив монстру никакого вреда.

У Ханьчжана перехватило дыхание от досады — он вновь переоценил свои силы. Предостережение Е Цинжана о том, что старые законы больше не работают, дошло до него только сейчас. Хорошо, что это была лишь отвлекающая атака. Окажись они в настоящей ловушке, его самонадеянность погубила бы и его, и друзей.

Белая рептилия даже не взглянула на лучника. Будучи безжалостным хищником, она безошибочно почуяла настоящую угрозу. Змея держала в поле зрения Хэ Чэншуана и прислушивалась к запахам, выслеживая затаившегося леопарда. Тонкое обоняние позволяло ей улавливать жар чужого тела даже сквозь листву — нанести внезапный коварный удар из засады было её излюбленным приёмом.

Ханьчжан глубоко вдохнул, концентрируясь. Духовная сила послушно потекла по меридианам, и на кончиках его пальцев затеплилось бледно-зелёное сияние. Магия окутала древко стрелы. В мгновение ока он сделал три выстрела подряд. В отличие от прежней, бесполезной попытки, эти стрелы со свистом рассекли воздух, устремляясь к цели с мощью урагана. Это была техника «Стрел-перьев», почерпнутая им из искусства «Милости ветра».

На сей раз снаряды легли кучно, один за другим вонзившись в плоть рептилии. Взревев от боли, змея яростно зашипела и задергалась, окропляя землю кровью, но её кольца по-прежнему плотно сжимались вокруг драгоценного змеевика.

Е Цинжан быстро сплёл пальцы в защитном жесте. Лианы и дикий вьюн, обвивавшие ствол рододендрона, ожили.словно водоросли в бурном приливе, они взметнулись вверх и сплелись в толстые, прочные канаты. Десятки зелёных рук устремились к змее, пытаясь спеленать её и оттащить в сторону. Но раненая тварь оказалась невероятно изворотливой: её чешуя мгновенно покрылась слоем скользкой, влажной слизи, позволявшей ей легко выскальзывать из живых пут.

В этот момент из-за рододендрона бесшумной тенью выпрыгнул Хэ Жун. Окалив клыки, леопард нацелился прямо в уязвимое место за головой змеи. Заметивший это Е Цинжан не успевал перехватить инициативу и лишь отчаянно крикнул:

— Назад!

Перегруппироваться в воздухе хищник не успел, поэтому лишь в последний миг отпрянул и вместо укуса полоснул врага лапой. Пять глубоких когтей вонзились в затылок твари, разрывая плоть. Брызнула тёмная кровь, но леопард вдруг взвыл от боли и стремительно отскочил прочь. Едкая змеиная лимфа, попавшая на его подушечки лап, жгла как раскалённое железо. Тем временем стягивавшие рептилию путы лопнули, засыпав землю обрывками стеблей.

Е Цинжан опоздал с предупреждением — змеиный секрет обладал мощнейшим разъедающим свойством. Ослеплённый яростью монстр не собирался упускать покалеченного обидчика. Из змеиной пасти выдвинулись кривые ядовитые клыки, превосходившие размером кошачьи. Разинув бездонный зёв, белая бестия ринулась вперёд, намереваясь заглотить леопарда целиком.

<http://bllate.org/book/19006/2028465>